О ВОЗМОЖНОСТЯХ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В ПРЕОДОЛЕНИИ КРИЗИСА, ВЫЗВАННОГО ПАНДЕМИЕЙ

ON THE POTENTIAL OF MACROECONOMIC POLICY IN OVERCOMING THE PANDEMIC INDUCED CRISIS

DOI 31415926535897932384 6

НЕКИПЕЛОВ Александр Дмитриевич
Вице-президент ВЭО России, директор Московской школы экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, академик РАН, д.э.н., профессор
Alexander D. NEKIPELOV
Vice-President of VEO of Russia, Director of the Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor

Аннотация

Пандемия породила уникальное сочетание экономических шоков — со стороны совокупного предложения, совокупного спроса, а также шок, проистекающий из необходимости форсированного внесения изменений в существующую аллокацию ресурсов. Эти шоки продуцируют целый комплекс неблагоприятных следствий — обвал производства, резкое увеличение безработицы и обострение социальных проблем, финансовое неблагополучие значительной части экономических агентов. Для России обосновывается необходимость взаимоувязанного пакета мер экономической политики — активное использование накопленных в валюте резервов, наращивание внутреннего государственного долга для финансирования дефицита бюджета, его частичная монетизация со стороны Центрального банка, демонтаж действующих механизмов стерилизации денежной массы (облигации Центрального банка, счета для коммерческих банков в Центральном банке), форсированное снижение ключевой процентной ставки до 2–3%, введение экономических ограничений на трансграничное перемещение краткосрочного капитала (налог Тобина), резкая активизация государственно-частного партнерства в реализации крупных инвестиционных проектов. При принятии конкретных решений необходимо опираться не на стремление к минимизации инфляции, а ее ограничению такими рамками, которые обеспечивают эффективное решение кратко- и долгосрочных проблем экономического развития страны.

Abstract The pandemic has created a unique combination of economic shocks — aggregate supply — and aggregate demand-side shocks, as well as a shock stemming from the need to force changes in the existing allocation of resources. These shocks produce a whole range of adverse consequences — the collapse of production, a sharp increase in unemployment and aggravation of social problems, financial troubles for a large part of economic agents. For Russia, the need for an interconnected package of economic policy measures — active use of reserves in foreign currency, the build-up of domestic public debt to finance the budget deficit, its partial monetization by the Central Bank, the dismantling of existing mechanisms of sterilization of the money supply (Central Bank bonds, special accounts for commercial banks with the Central Bank), a forced reduction of the key interest rate to 2–3 percent, the introduction of economic restrictions on the cross-border movement of short-term capital (Tobin tax), the sharp activation of state-private partnerships in realization of big investment projects — is justified. Specific decisions should not be based on the desire to minimize inflation; on the contrary — the upper level of inflation consistent with the effective solution to the short — and long-term problems of the country's economic development should be determined..

Ключевые слова Экономика России, «голландская болезнь», экономические шоки, экономические вызовы пандемии, финансовая политика, денежно-кредитная политика, международные резервы, регулирование краткосрочных трансграничных потоков капитала.

Keywords Russian economy, Dutch disease, economic shocks, economic challenges of pandemic, financial policy, monetary policy, international reserves, control of short-term transnational capital flows.

В статье, написанной на основе доклада, представленного автором на пленарном заседании МАЭФ-2020, сделана попытка теоретического осмысления экономического кризиса, разразившегося в результате пандемии коронавируса, и формулирования на этой основе комплекса мер макроэкономического характера, призванных обеспечить скорейший выход российской экономики на траекторию модернизации и устойчивого роста.

Хорошо известно, что важной особенностью нашей экономики является то особое место, которое занимает в ней топливно-энергетический сектор и, в частности, нефтяная отрасль. Экономическое развитие стран с такой специализацией характеризуется целым рядом специфических черт, которые не могут не проявляться в условиях, возникших в связи с коронавирусной пандемией.

В отличие от других видов специализации ее топливно-сырьевая разновидность характеризуется особой устойчивостью. В самом деле, переработка сырья может, в принципе, быть организована, практически, где угодно, тогда как его добыча в силу естественных причин возможна только в строго определенных местах. Именно в силу этого обстоятельства так называемая «голландская болезнь» имеет отношение не ко всем странам, характеризующимся ярко выраженной международной специализацией, а только к тем из них, в структуре производства которых особое место занимает извлечение из недр полезных ископаемых [7, 11, 13–15, 17] и др.

Большое значение имеют также особая роль рентного фактора в ресурсодобывающих отраслях, а также долговременная тенденция роста затрат по мере истощения более продуктивных месторождений. Серьезный отпечаток на функционирование сырьевых экономик оказывает стратегический характер конкуренции, в которой самое активное участие принимают национальные государства, стоящие как за производителями, так и потребителями. Наконец, велико влияние на характер функционирования топливно-сырьевых рынков того обстоятельства, что основные виды природных ресурсов — и, прежде всего, нефть — играют в современной экономике роль важнейших финансовых активов.

Из всех этих особенностей топливно-сырьевого сектора неизбежно вытекает повышенный уровень волатильности мировых цен на производимую в нем продукцию. В свою очередь, значительные колебания этих цен продуцируют в странах--потребителях сырья шоки со стороны предложения, а в странах-производителях —

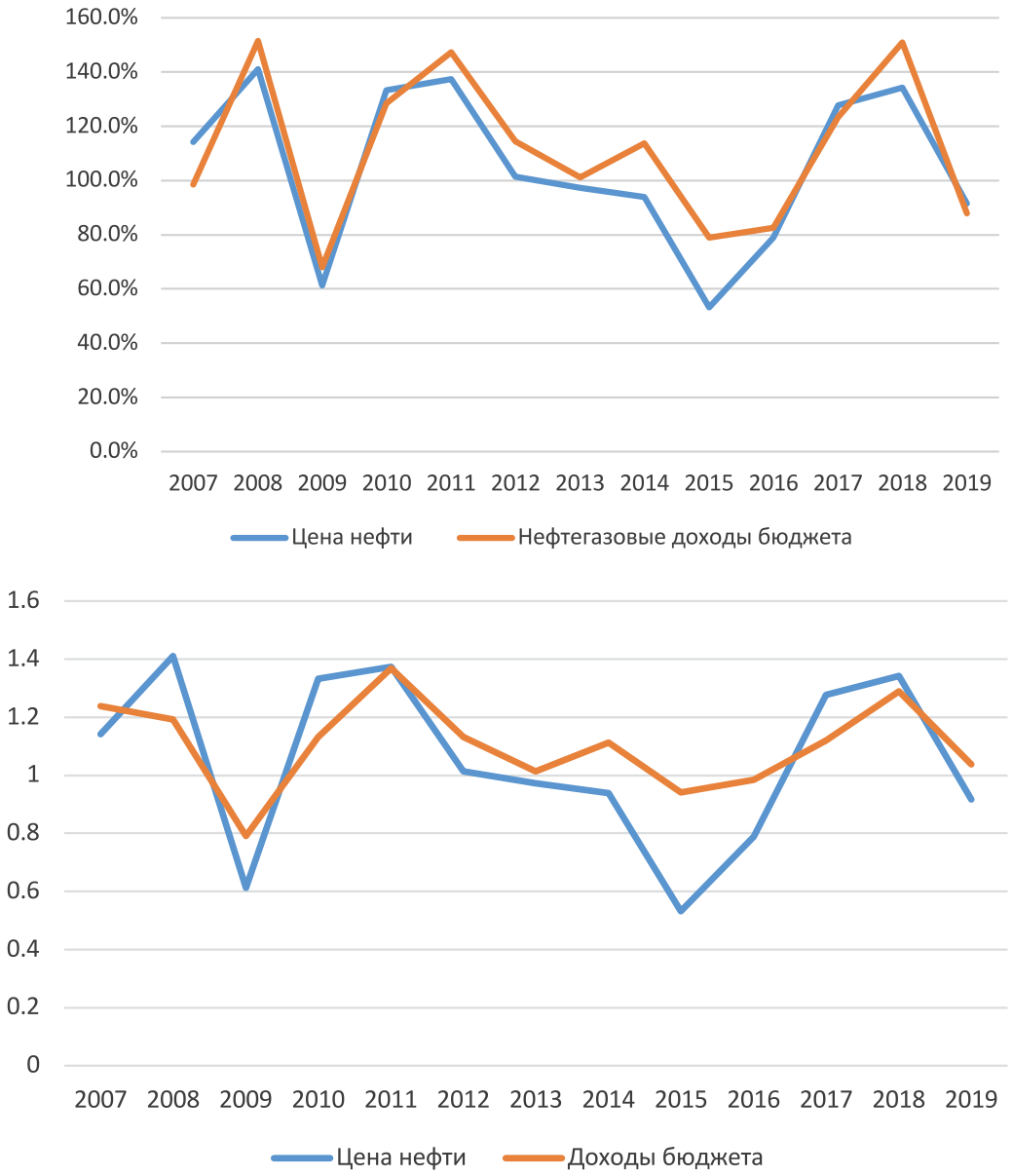


Рис. 1. Влияние изменения цен на нефть и доходов федерального бюджета (верхний график – нефтегазовые доходы, нижний – общие доходы) в Российской Федерации

Источник данных: http://www.cbr.ru/vfs/statistics/credit_statistics/trade/crude_oil.xls и https://www.minfin.ru/ru/statistics/fedbud/

шоки со стороны спроса. В странах-производителях в силу этого обстоятельства состояние бюджета оказывается в сильной зависимости от уровня мировых цен на сырье.

Верхний график, представленный на рис. 1, иллюстрирует сильную зависимость, существующую между динамикой экспортных цен на нефть в Российской Федерации и нефтегазовыми доходами федерального бюджета — коэффициент корреляции составляет 0,920. Лишь незначительно слабее связь с изменениями общих доходов федерального бюджета (нижний график) — коэффициент корреляции 0,855.

Основной вызов, с которым сталкиваются экономики с топливно-сырьевой специализацией, состоит в выборе такой макроэкономической модели, которая обеспечивала бы оптимальный «размен» между решением текущих проблем, связанных с внешними шоками со стороны спроса, и задачами долговременного развития. В числе последних особое значение имеет диверсификация структуры национальной экономики на основе ее модернизации.

В Российской Федерации использовались два подхода, нацеленные на обеспечение устойчивого экономического роста и финансовой стабильности. Особенности применявшейся до 2014 года модели состояли в следующем [6, 9, 12] и др. Так называемый «бивалютный коридор» был призван обеспечивать предсказуемую динамику курса рубля. Соответственно, фактически единственная задача Центрального банка заключалась в том, чтобы при помощи интервенций на валютном рынке удерживать номинальный курс в рамках установленных коридором границ. При этом Минфин фактически брал на себя часть функций денежного регулятора, обеспечивая стерилизацию «избыточной» денежной массы, направляя ее в стабилизационный фонд. Идея заключалась в том, чтобы сдерживать инфляцию, не допуская одновременно такого укрепления реального курса рубля в периоды масштабного притока валюты в страну, которое подорвало бы конкурентоспособность несырьевых отраслей российской экономики. Роковую роль для судьбы этого подхода сыграл принятый в 2004–2007 гг. комплекс мер по снятию фактически всех ограничений для трансграничного перемещения капитала между Россией и остальным миром.

Мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 годов в очередной раз подтвердил — теперь для России — известную истину о том, сколь взрывоопасной является комбинация фиксированного (в нашем случае — границами валютного коридора) курса валюты и свободного трансграничного перемещения спекулятивного капитала. В условиях мощного оттока денег из страны начали быстро уменьшаться валютные резервы (с 1 августа 2008 г. по 1 февраля 2009 г. валютные резервы уменьшились на треть — с 597 млрд долл. до 387 млрд долл.). Одновременно изменение границ валютного коридора, имевшее, естественно, девальвационную направленность, ставило на грань банкротства крупнейшие российские корпорации и банки, активно прибегавшие к внешним заимствованиям в периоды, когда устойчивость обменного курса рубля представлялась гарантированной.

С учетом этого печального опыта вскоре после завершения финансово-экономического кризиса стали готовиться изменения в действовавшую макроэкономическую модель. Поскольку либеральный режим регулирования капитальных статей платежного баланса рассматривался как несомненное «достижение реформ», постольку изменения коснулись механизма формирования обменного курса рубля и денежного предложения. Осенью 2014 г. был введен режим «свободного плавания рубля» при сохранении полной свободы трансграничного перемещения капитала

между Россией и остальным миром. Одновременно ключевая процентная ставка стала использоваться как основной инструмент таргетирования инфляции и, соответственно, определения величины денежного предложения. От прежней модели сохранилось использование профицита бюджета как инструмента стерилизации избыточной денежной массы. Минфин продолжал отчислять в период высоких цен на нефть часть бюджетных доходов теперь уже в Резервный фонд и Фонд национального благосостояния. Разумеется, сохранение за Минфином этих функций денежного регулятора означало, что де-факто в России с тех пор действует режим не свободного, а регулируемого плавания рубля.

Важно понимать, что профицит бюджета в рамках обеих моделей рассматривался не только (и не столько) как способ формирования резервов «на черный день», сколько как важный инструмент, обеспечивавший стерилизацию избыточной ликвидности в условиях высоких цен не нефть. Известно, что такая политика имела своим следствием то, что валютный курс рубля постоянно находился диапазоне 40–60% от паритета его покупательной способности (см. таблица 1). Соответственно, для российской экономики был характерен постоянный, значительный по размерам актив текущих статей платежного баланса. Его среднегодовая величина на протяжении длительного периода составляла свыше 69 млрд долл. в год, так что за 2005–2019 годы превышение вывоза товаров и услуг из страны их ввоза в страну превысило 1036 млрд долл. Таковы издержки, применявшихся в России макроэкономических моделей: ведь приведенные цифры характеризуют величину беспроцентного кредитования Россией остального мира за счет несбалансированной торговли.

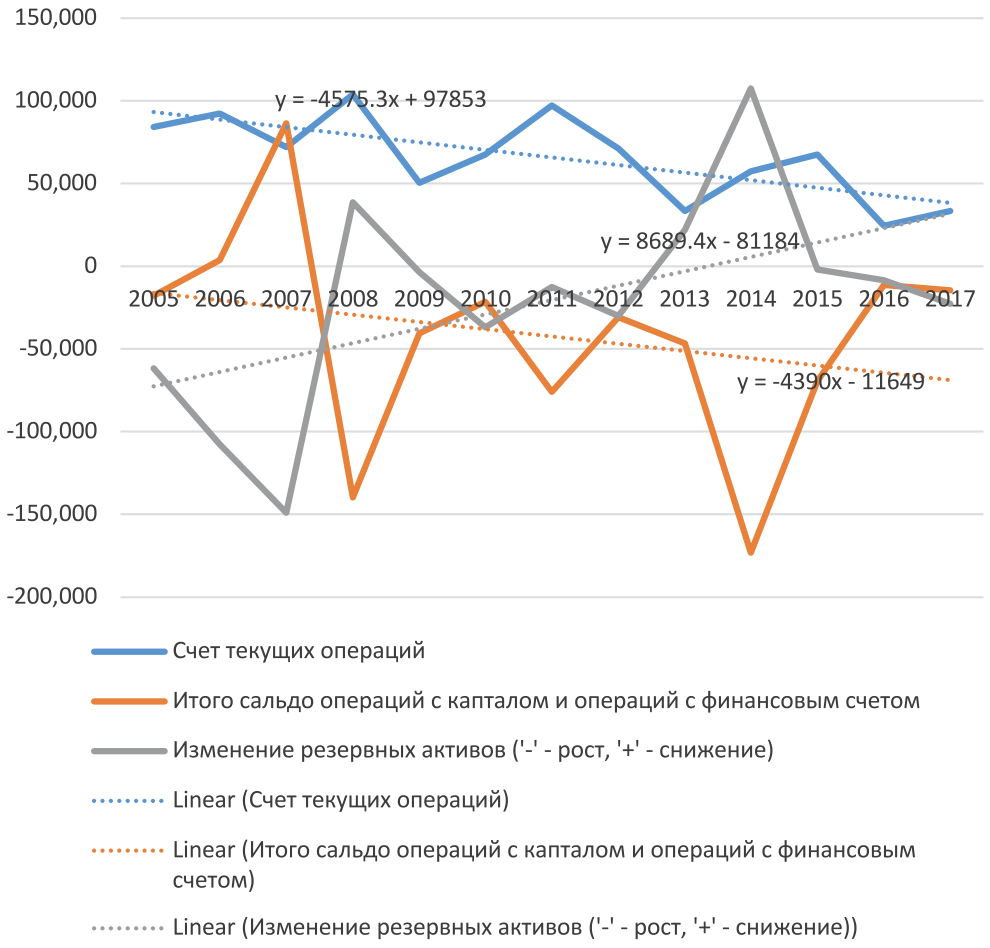
Таблица 1 Номинальный курс рубля и паритет его покупательной способности[1]

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
ППС, руб./долл. США	15,82	17,35	18,46	19,42	21,01	23,59	24,36	24,34
ППС, долл. США/руб.	0,063	0,058	0,054	0,051	0,048	0,042	0,041	0,041
Рыночный курс рубля (средний за год)	0,033	0,034	0,032	0,032	0,028	0,017	0,015	0,017
Рыночный курса рубля к ППС (%)	52,1	58,6	59,1	61,4	59,7	40,2	36,4	41,6

1 На основе результатов годовых международных сопоставлений, проводимых ОЭСР.
Источник: Россия и страны мира, 2018. с. 93

В самом общем виде ситуацию, в которой находилась российская экономика накануне коронавирусной пандемии, можно охарактеризовать следующим образом, см. [1–5, 10] и др. Финансово-бюджетная сфера отличалась высоким уровнем надежности, проявлявшемся в очень низком по мировым меркам уровне госдолга, сбалансированном (а по большей части профицитным) государственном бюджете. Характерными чертами денежно-кредитной сферы являлись наличие крупных золотовалютных резервов, низкий уровень инфляции, значительная волатильность валютного курса, крупный актив текущих статей платежного баланса (см. рис. 2).

Рис. 2. Динамика сальдо текущих статей, операций с частным капиталом и изменений резервных активов



Казалось бы, парадоксальным образом в стране наблюдался устойчивый профицит ликвидности при все еще весьма высокой процентной ставке. Но у этого парадокса есть простая разгадка. Применявшаяся макроэкономическая модель привела к деформации нормальной зависимости между уровнем денежного предложения и процентной ставкой. Эта деформация произошла из-за широкого использования Центральным банком таких мер по стерилизации денежной массы, как выпуск собственных облигаций и предоставление коммерческим банкам возможности открывать счета в Центральном банке на весьма привлекательных условиях. Оборотной стороной этой политики стало состояние длительной стагнации производства и потребления, крайне низкий уровень инвестиционной активности. Искусственно поддерживавшаяся высокая процентная ставка приводила к тому, что держать свободные средства на счетах в коммерческих банках становилось для предприятий реального сектора экономики выгоднее, чем инвестировать их в производство.

Возникает естественный вопрос: что нового внесла в эту ситуацию пандемия?

Мне кажется, имеются все основания говорить о том, что ее результатом стало три вида шоков, с которыми в большей или меньшей мере пришлось столкнуться всем экономикам.

Первый и наиболее очевидный из них — шок со стороны предложения. Он прямо проистекает из свертывания производственной деятельности, вызванной необхо-

димостью максимально ограничить все виды общения людей, в том числе и производственного, для снижения скорости распространения инфекции. Остановка производств, естественно, сопровождается разрывом производственных цепочек, сложившихся как внутри страны, так и с партнерами из-за рубежа.

Вторым видом следует считать шок, связанный с вызванной пандемией необходимостью внесения максимально быстрых изменений в размещение ресурсов. Речь идет о потребности в быстром налаживании производства оборудования и медицинских материалов, используемых в борьбе с болезнью, перепрофилировании самих медицинских учреждений. Через систему межотраслевых связей соответствующие меры в большей или меньшей степени влияют на всю экономику. Вообще говоря, шок, связанный со структурными изменениями в экономике, относится к разряду микроэкономических. Его непосредственным результатом является изменение не уровней выпуска и цен, а их структуры. Однако, как, в частности, показал и опыт постсоциалистической трансформации, у этого явления есть и макроэкономическая сторона [8]. Дело в том, что интенсивная реаллокация ресурсов не может происходить абсолютно гладко; она неизбежно сопровождается своеобразным «трением», приводящим к потерям общего уровня выпуска. В этом отношении процесс форсированной реструктуризации общественного производства становится своеобразной формой шока со стороны предложения.

Наконец, для отдельных государств два первых шока могут оборачиваться третьим, причем, весьма серьезным ударом — теперь ужен со стороны совокупного спроса. В нашей стране он оказался связан с беспрецедентным падением мировых цен на нефть.

Известно, что шок со стороны предложения создает предпосылки для развертывания стагфляции – сочетания рецессии и высокой инфляции. Шок со стороны совокупного спроса еще более усиливает спад и безработицу, но уменьшает давление на цены. Неизбежными становятся уменьшение поступлений в государственный бюджет, опасность резкого обострения всего комплекса социальных проблем. Разрывы в производственных цепочках, «трение», сопровождающее структурные перестройки, влияют не только на величину выпуска, но и на финансовое состояние экономических агентов. Возникает серьезнейшая угроза накопления взаимных неплатежей, массовых банкротств как во время пандемии, так и после нее.

Таким образом, экономические последствия пандемии весьма разнообразны, а в некоторых отношениях (в частности, по влиянию на инфляцию) — разнонаправленны. Это неизбежно создает большие проблемы для оценки совокупного влияния многочисленных факторов и выбора на этой основе оптимальной реакции со стороны правительства. Вместе с тем ясно, что повсеместно ключевой становится проблема финансирования государственных расходов, признаваемых необходимыми для успешного преодоления пандемии. Следует иметь в виду, что в числе последних — и затраты, призванные обеспечить сохранение финансовой устойчивости частного сектора, преодоления возможного кризиса взаимной задолженности.

Возникает естественный вопрос о целесообразных способах финансирования дефицита государственного бюджета, неизбежного в условиях значительной потребности в дополнительных расходах и сокращения налоговых поступлений. Таких возможностей совсем немного: использование имеющихся резервов и привлечение заемных средств.

Использование накопленных в валюте резервов абсолютно разумно, более того, попытка оставить эти средства в неприкосновенности выглядела бы просто противо-

естественной. (Замечу в скобках, что из этого неправомерно было бы делать вывод о правильности политики, приведшей к самому формированию этих резервов). С этой целью следовало бы разработать специальную программу, которая, с моей точки зрения, должна включать в себя установки на государственный импорт необходимых потребительских благ, в том числе и лекарств, а также товаров производственного назначения.

С точки зрения существующей долговой нагрузки, у нас нет сейчас серьезных ограничений по увеличению внешнего долга. Однако в этом, как мне кажется, особого смысла нет в силу наличия у страны крупных и в существенной части избыточных валютных резервов.

Остается вопрос об увеличении внутренних заимствований нашего государства. При его решении необходимо, разумеется, тщательно взвесить все последствия. В частности, следует оценить опасность повышения процентной ставки и вытеснения частных инвестиций. Что касается «эффекта вытеснения», то его проявление в нынешних условиях, когда частный сектор не заинтересован в инвестировании, маловероятно. Однако рост процентной ставки в связи с возрастающим государственным спросом на кредиты все равно имел бы крайне неблагоприятные последствия, поскольку содействовал бы замораживанию такого положения дел.

Именно поэтому увеличение внутренних заимствований следует совмещать с внесением серьезных изменений в денежно-кредитную политику. Полагаю возможным резко снизить до 2–3% ключевую ставку. Одновременно следует обнулить процентную ставку по депозитам коммерческих банков в Центральном Банке, полностью прекратить выпуск облигаций Центрального банка, а имеющиеся у коммерческих банков облигации — выкупить. Цель этих мер, заключается в том, чтобы побудить банки расширить кредитование нефинансовых экономических агентов, обеспечив возврат этих средств в экономику. Следует также ожидать, что низкая процентная ставка приведет к изъятию предприятиями свободных средств с банковских счетов и направлению их на финансирование своей основной деятельности. Вполне разумной представляется и монетизация Центральным банком части задолженности исполнительной власти за счет выкупа обращающихся на свободном рынке государственных облигаций.

Разумеется, такие действия денежного регулятора приведут к увеличению количества денег в обращении. Существенным является в связи с этим вопрос о том, каким будет эффект этого увеличения.

Наиболее неприятное следствие может состоять в том, что произойдет увеличение инвестиций в краткосрочные иностранные активы, вывоза капитала из страны. Именно поэтому предлагаемую систему мер в денежно-кредитной сфере нужно дополнить действиями по ограничению свободы трансграничного перемещения краткосрочного капитала юридическими лицами (их не следует распространять на население). С этой целью имело бы смысл ввести налог Тобина. Для того, чтобы усилить «антиспекулятивные свойства» этого налога, было бы полезно предоставить денежному регулятору право в любой момент изменять его величину.

При таком алгоритме действий есть основания рассчитывать на то, что возросшее денежное предложение будет содействовать прежде всего повышению производственной активности, увеличению частных инвестиций и степени загрузки производственных мощностей. Чтобы усилить этот эффект, принципиально важно резко активизировать государственно-частное партнерство в реализации крупных инвестиционных проектов. Сделать это совсем не просто, имея в виду, что в кризисные вре-

мена существует инстинктивное стремление сосредоточиться исключительно на решении острых текущих проблем. Но делать это абсолютно необходимо для того, чтобы уже сейчас начать преодолевать деморализацию частного сектора, создавая стимулы для инвестирования и тем самым закладывая основы для перевода российской экономики на рельсы всесторонней модернизации. Именно поэтому реализация такого мегапроекта, как «Второй Транссиб» была бы чрезвычайно уместной.

Конечно, полностью избежать повышения инфляции при воплощении в жизнь предлагаемых мер не удастся. С такого рода рисками сталкиваются и наиболее развитые страны, принявшие решения о реализации крупных пакетов помощи в рамках борьбы с пандемией (см., например, [16]). Поэтому если мы исходим из того, что главная задача макроэкономической политики в нынешних условиях — поддержание производства и занятости, предотвращение острых социальных проблем, создание условий для предотвращения массовых неплатежей и долгового кризиса, то речь должна идти не о минимизации инфляции, а о том ее уровне, который совместим с достижением этих целей и устойчивым долгосрочным развитием. Иными словами, дозируя предложенные выше меры, следовало бы руководствоваться именно таким предельным уровнем допустимой инфляции. В моем представлении он находится в промежутке между 10 и 15 процентами. Такая инфляция способна сыграть роль своеобразной «смазки», способствующей более мягкому прохождению через кризис, а также более равномерному распределению связанных с ним производственных и социальных издержек.

Библиографический список

1. *Аганбегян, А.Г. Финансы, бюджет и банки новой России. М. Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018.*
2. *Глазьев, С.Ю. О неприемлемости проекта «Основных направлений единой государственной денежно-кредитной политики на 2019 год и период 2020 и 2021 годов» Банка России (особое мнение члена Национального финансового совета). // Российский экономический журнал. № 6, 2018. С. 3–26.*
3. *Ершов, М.В. Об условиях экономического роста: о валютном курсе, валютной стабильности и длинных деньгах. // Общество и экономика. № 2, 2017. С. 5–13.*
4. *Ивантер В.В., Порфирьев Б.Н., Широв А.А., Шокин И.Н. (2017). Вестник финансового университета. Т. 21, № 1 (97), 2017. С. 6–15.*
5. *Миркин, Я.М. Финансовый форсаж. // Банковские услуги. № 10, 2018. С. 2–7.*
6. *Кудрин А. Реальный эффективный курс рубля: проблемы роста // Вопросы экономики. № 10, 2006. С. 4–18.*
7. *Некипелов А.Д. О ресурсном проклятии и его влиянии на тактику и стратегию экономического развития // Журнал Новой экономической ассоциации. — 2015. — № 2 (26). — С. 205–210.*
8. *Некипелов А. Очерки по экономике посткоммунизма. М.: ЦИСН Миннауки, 1996.*
9. *Некипелов А. Становление рыночной экономики в России. В кн.: «Российская трансформация: 20 лет спустя». Сапир Ж. (ред.). М: Магистр. 2013. С. 63–108.*
10. *Россия на пути к современной динамичной и эффективной экономике. Под ред. академиков Некипелова А.Д., Ивантера В.В., Глазьева С.Ю. М. 2013.*
11. *Фетисов Г. «Голландская болезнь» в России: макроэкономические и структурные аспекты // Вопросы экономики. № 12. С. 38–53.*
12. *Юдаева К. О возможностях, целях и механизмах денежно-кредитной политики в текущейситуации // Вопросы экономики. № 9. С. 1–9.*
13. *Corden W.M, Neary J.P. Booming Sector and De-industrialisation in a Small Open Economy // The Economic Journal. No. 92. P. 825–848.*

14. *The Dutch Disease // The Economist. P. 82–83.*
15. *Ellman M. Natural Gas, Restructuring and Re-Industrialization: The Dutch Experience of Economic Policy. In: "Oil or Industry?» Barker T., Brailovsky V. (eds.). London: Academic Press. P. 27–29.*
16. *Galbraith, James K. Covid-19 and Capitalism. A presentation at the Online Conference «Social and Economic Challenges of the Covid-19 Pandemic» (https://www.youtube.com/watch?v=hCd-f6vjzmk&t=549s)*
17. *Kamas L. Dutch Disease Economics and the Colombian Export Boom // World Development. Vol. 14(9). September. P. 1177–1198.*

References

1. *Aganbegjan, A.G. Finansy, bjudzhet i banki novoj Rossii. M. Izdatel'skij dom «Delo» RANHiGS, 2018.*
2. *Glaz'ev, S.Ju. O nepriemlemosti proekta «Osnovnyh napravlenij edinoj gosudarstvennoj denezhno-kreditnoj politiki na 2019 god i period 2020 i 2021 godov» Banka Rossii (osoboe mnenie chlena Nacional'nogo finansovogo soveta). // Rossijskij jekonomicheskij zhurnal. № 6, 2018. S. 3–26.*
3. *Ershov, M.V. Ob uslovijah jekonomicheskogo rosta: o valjutnom kurse, valjutnoj stabil'nosti i dlinnyh den'gah. // Obshhestvo i jekonomika. № 2, 2017. S. 5–13.*
4. *Ivanter V.V., Porfir'ev B.N., Shirov A.A., Shokin I.N. (2017). Vestnik finansovogo universiteta. T. 21, № 1 (97), 2017. SS. 6–15.*
5. *Mirkin, Ja.M. Finansovyj forsazh. // Bankovskie uslugi. № 10, 2018. S. 2–7.*
6. *Kudrin A. Real'nyi jeffektivnyi kurs rublja: problemy rosta // Voprosy jekonomiki. № 10, 2006. S. 4–18.*
7. *Nekipelov A.D. O resursnom prokljatii i ego vlijanii na taktiku i strategiju jekonomicheskogo razvitija // Zhurnal Novoj jekonomicheskoj associacii. — 2015. — № 2 (26). — S. 205–210.*
8. *Nekipelov A. Ocherki po jekonomike postkommunizma. M.: CISN Minnauki, 1996.*
9. *Nekipelov A. Stanovlenie rynochnoj jekonomiki v Rossii. V kn.: «Rossiiskaja transformacija: 20 let spustja». Sapir Zh. (red.). M: Magistr. 2013. S. 63–108.*
10. *Rossija na puti k sovremennoj dinamichnoj i jeffektivnoj jekonomike. Pod red. akademikov Nekipelova A.D., Ivantera V.V., Glaz'eva S.Ju. M. 2013.*
11. *Fetisov G. «Gollandskaja bolezn'» v Rossii: makrojekonomicheskie i strukturnye aspekty // Voprosy jekonomiki. № 12. S. 38–53.*
12. *Judaeva K. O vozmozhnostjah, celjah i mehanizmah denezhno-kreditnoj politiki v tekushhej situacii // Voprosy jekonomiki. № 9. S. 1–9.*
13. *Corden W.M, Neary J.P. Booming Sector and De-industrialisation in a Small Open Economy // The Economic Journal. No. 92. P. 825–848.*
14. *The Dutch Disease // The Economist. P. 82–83*
15. *Ellman M. Natural Gas, Restructuring and Re-Industrialization: The Dutch Experience of Economic Policy. In: "Oil or Industry?» Barker T., Brailovsky V. (eds.). London: Academic Press. P. 27–29.*
16. *Galbraith, James K. Covid-19 and Capitalism. A presentation at the Online Conference «Social and Economic Challenges of the Covid-19 Pandemic» (https://www.youtube.com/watch?v=hCd-f6vjzmk&t=549s)*
17. *Kamas L. Dutch Disease Economics and the Colombian Export Boom // World Development. Vol. 14(9). September. P. 1177–1198.*

Контактная информация / Contact information

119234, Москва, Ленинские Горы, МГУ им. М.В.Ломоносова, д.1, стр. 61.
1-61, Leninskie Gory, Lomonosov Moscow state University, 119234, Moscow, Russia.
Некипелов Александр Дмитриевич / Alexander D.Nekipelov
nekipelov@mse-msu.ru